

ВИВИАН БРАХЕТ-МАРКЕС

Недемократическая политика в XX веке и далее¹

Unser National Sozialismus ist die Zukunft Deutschlands. Trotz diese Zukunft wirtschaftlich rechts-orientiert wird, werden unsere Herzen links orientiert bleiben. Aber vor allem werden wir niemals vergessen, dass wir Deutschen sind.²

Адольф Гитлер, 1932 год, ежегодный съезд Национал-социалистической демократической рабочей партии

Socialement je suis de gauche, économiquement je suis de droite, et nationalement je suis de France!³

Жан Мари Ле Пен, 2002 год, выступление во время президентской кампании перед Национальным фронтом

Может показаться, что писать о недемократической политике после падения Берлинской стены и посреди широкой демократизации Центральной Европы и Латинской Америки — это все равно, что пытаться реанимировать труп. И все же даже если эпоха советского и нацистского тоталитаризма, судя по всему, завершилась, а многие автократии по финансовым или иным причинам быстро становятся демократиями, мы живем в эпоху, когда недемократическая политика проявляется в различных диктатурах, фундаментализмах и кровавых гражданских

¹ Viviane Brachet-Marquez, 'Undemocratic Politics in the Twentieth Century and Beyond', in Thomas Janoski, et. al (eds), *The Handbook of Political Sociology: States, Civil Societies, and Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, p. 189–229.

² Наш национал-социализм — это будущее Германии. Хотя это будущее экономически склоняется к правым, наше сердце остается с левыми. Но — главное — мы не должны забывать, что мы — немцы.

³ В социальных вопросах я — левый, в экономических — правый, а в национальных — я за Францию.

войнах, а также в антидемократических идеологиях, партиях и допустимых практиках внутри и вовне сложившихся демократий. Вместо явно выраженных «режимов», на которые мы однозначно можем наклеить ярлык «демократический» или «недемократический», мы часто имеем дело с палитрой демократических и недемократических идеологий, ментальностей, правил и закрепленных практик. В особенности это касается стран, которые лишь недавно освободились от колониального правления или после кровавых диктатур вернулись к избранному гражданскому правлению. Но это также касается и устоявшихся демократий — достаточно вспомнить поразительный успех Хайдера в Австрии и Ле Пена во Франции.

Все эти проявления стимулировали живой и быстро растущий пучок исследований, который, однако, остается крайне раздробленным в дисциплинарном, географическом, хронологическом и неизбежно языковом отношении. В результате мы сталкиваемся с рядом географически ограниченных дебатов, которые затрагивают сравнительно небольшие группы специалистов. В этой статье предпринимается попытка вытянуть различные нити из этой разрастающейся литературы, чтобы определить возможность диалога между ними. Это также должно помочь нам лучше понять политическое развитие недавно заново демократизированных стран. В этом отношении дебаты о недемократической политике неотделимы от дебатов о демократии.

Вместо того чтобы брать на себя непосильную задачу всестороннего рассмотрения этой необычайно широкой и гетерогенной области, в настоящей статье очерчиваются основные исследовательские программы и проблемы, которые определяли изучение недемократической политики на протяжении последних пяти десятилетий. Из-за его важности для исходного определения области львиная доля первой части отводится подходу к недемократической политике, который уделяет особое внимание режимам. Во второй части рассматриваются движения против авторитарных и султанических режимов и последующая резкая реакция правых. В третьей части особое внимание уделяется движениям и партиям, которые выказывают сильные недемократические наклонности, действуя при этом в рамках сложившихся демократических контекстов.

Недемократическая политика с точки зрения режимов

Категории и типы режимов — это таксономические средства, которые упорядочивают государства в соответствии с набором абстрактных категорий, а затем используются для рассмотрения эмпирических случаев. Хотя мало кто из исследователей решится утверждать, что режимы неизменны, типологизация неявно основывается на представлении об относительной стабильности во времени черт, выделенных для всякого данного типа. (И какой смысл вообще заниматься выделением

типов, если думать иначе?) Вплоть до 1980-х исследователи недемократической политики широко использовали типологию режимов, распределяя их по странам таким образом, который преуменьшал изменчивость и преувеличивал неизменность. С тех пор они стали более гибкими, обращаясь к рассмотрению семейств режимов с общими точками соприкосновения, несмотря на важные различия (Kershaw and Lewin, 1999) и описывая фазы или эпизоды, через которые проходили политики, что позволило перенести внимание с сущностных особенностей и устойчивых структур на различия, переходы и изменения.

Согласно исходной типологизации Хуана Линца, недемократические политики часто классифицировались как тоталитарные или авторитарные (Linz 2000). Но такое разграничение приводит к тому, что многие случаи относятся к неверному типу или их вовсе оставляют без внимания⁴. В рамках этого подхода имели место три вида дебатов: (1) дебаты о тоталитаризме и фашизме применительно к Европе в межвоенный период; (2) дебаты об авторитаризме, касавшиеся Южной Европы и Латинской Америки; и (3) дебаты о султанических режимах, касавшиеся Азии и Африки, а также некоторых стран Латинской Америки.

Дебаты о тоталитаризме и фашизме

При тоталитарных режимах, писал Линц (Linz 2000), государство заявляет о своей монополии на власть и насаждает только одну идеологию, на основе которой оно пытается произвести тотальную мобилизацию населения посредством одной партии и различных подконтрольных организаций. Это определение отсылает к структурно-институциональному взгляду на тоталитаризм (Mann 1997), в отличие от тех, что подчеркивают роль культуры и идеологии (Arendt 1968; Marcuse 1967; Burrell 2000) или истоков (Kogchak 1994). Несмотря на имеющиеся существенные различия, большинство авторов выделяет три основные составляющие тоталитарных режимов: (1) всеобъемлющая идеология, выдвигающая программу радикального преобразования общества и призывающая к истреблению всех, кто признается несовместимым с выдвинутой программой или враждебным по отношению к ней; (2) централизованная государственная бюрократия на службе этой идеологии с практически безграничной властью и современными средствами коммуникации, пропаганды, слежения и репрессий; и (3) массовая партия, контролируемая государством, для осуществления этой трансформации при добровольном или принудительном участии всего населения. Некоторые авторы также включают вождистский принцип (Friedrich and Brzezinski 1965; Burrell 2000), государственный терроризм (Arendt 1968; Friedrich and Brzezinski 1965) и милитаристский экспансионизм (Friedrich and

⁴ В разгар холодной войны все коммунистические и фашистские режимы обычно считались «тоталитарными», но с тех пор эти представления были пересмотрены.

Brzezinski 1965). Конечно, между сталинским СССР и нацистской Германией имелось немало серьезных различий. Если социалистическая идеология была весьма кодифицированной и вписанной в политику, то нацистская риторика выглядела совершенно милленаристской (Friedrich and Brzezinski 1965). Если нацистской партии удалось добиться немалых успехов в мобилизации населения снизу, то недоверие, созданное сталинистской пропагандой и террором, способствовало деполитизации.

В своем самом строгом определении тоталитаризм, по-видимому, относится только к сталинским чисткам и «окончательному решению [еврейского вопроса]» в нацистской Германии. Но если раздвинуть исторические и культурные границы этого феномена, можно будет привести и другие примеры. Нельзя ли Китай периода «ста цветов» (1957–1958)⁵ также признать тоталитарным? Идеологические чистки интеллигенции и студентов, которые ответили на призыв Мао призывом к самокритике, показывают, что можно. Развернувшаяся волна критики (особенно, к удивлению Мао, со стороны молодых студентов, воспитанных при коммунизме) привела к введению исправительных работ для чиновников – физический труд должен был сделать их ближе к народу. Тем не менее, поскольку эти репрессии были направлены на ограниченный круг людей, а государство не собиралось проводить широкой народной мобилизации для оправдания своих действий, имеются веские основания считать этот случай примером авторитаризма. Напротив, тоталитаризм вполне подходит для описания Китая эпохи «культурной революции» (1966–1967), когда государство идеологически радикализовало и мобилизовало массы (особенно хунвейбинов), которые стали инструментом для проведения чисток, коснувшихся свыше 100 миллионов человек (Fairbank 1992: 383)⁶. В 1976 году после смерти Мао режим вернулся к авторитаризму в контексте товарной экономики (Bragger and Reglar 1994), предложив отчужденным элитам и фракциям меньшинства места в законодательном собрании взамен на их безоговорочную поддержку партийного правления (O'Brien 1990: 155). В свете этого события на площади Тяньаньмэнь и последующие репрессии против протестующих студентов также можно истолковать как проявление авторитаризма, а не тоталитаризма, учитывая, что в Китае не было даже «ограниченного» плюрализма.

Подобно тоталитаризму, фашизм определяется множеством способов – от слишком общего популистского ультра национализма (Griffin

⁵ «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ!» – лозунг, выдвинутый Мао в 1956 году. Первая его часть касалась литературы, хотя позднее приобрела более широкие коннотации, а вторая – «сто школ» – отсылала к расцвету философских споров в III–IV веках до н. э. (MacFarquhar, 1960).

⁶ Такие чистки, в отличие от советских или немецких, не сопровождались казнями своих жертв. Хотя многие подвергшиеся чисткам лидеры покончили жизнь самоубийством, многие остались в живых. Например, Дэн Сяопин в эпоху правления Мао дважды подвергался чисткам.

1995) до слишком частного обозначения одного только итальянского случая, как у Джентиле, официального философа режима (Payne 1995: 5; Gentile 1975). Одни определения обращаются к истокам (Raxton 1995; Korchak 1994), другие — к культурно-идеологическим особенностям (Ahrend 1968; Burgin 2000) или структуре (Linz 2000; Mann 1997). Одни ограничивают термин межвоенным периодом (Remond 1982), а другие применяют его к более широкому кругу периодов и случаев.

Марксисты предлагают не столько определения, сколько интерпретации возникновения и целей фашизма. Коминтерн рассматривал фашизм как порождение монополистического и империалистического этапа развития капиталистического общества, как продукт его противоречий и особой формы, принимаемой им в его антипролетарской реакции (Milza 2001; Veetham 1983). Но, вовсе не будучи последним этапом капитализма, фашизм отражал огромное влияние капиталистических отношений на политические формы, ведущее к бонапартизму. Грамши полагал, что фашизм Муссолини был классовым феноменом лишь отчасти, но при том он отвечал интересам буржуазии, разрушая организационные связи, налаженные между рабочими, и тем самым превращая их в фрагментированную беспомощную массу, неспособную восстановить свою силу с возвращением демократии (Gramsci 1924).

При всем разнообразии определений, интерпретаций и исторических форм, фашистские режимы или периоды имели некоторые схожие черты: абсолютное главенство государства и его вождя; подчинение индивида государству, понятому как выражение единой воли народа; и отказ от демократии, буржуазных ценностей и рационализма во имя воинской доблести, борьбы и завоеваний. Внешне фашизм не слишком отличается от тоталитаризма, включая его мистическое стремление к преобразованию нации и внешним завоеваниям. Но на самом деле исторически его отличие от тоталитаризма заключалось в том, что он не проводил свою идеологическую программу с той же жестокостью, как сталинизм или нацизм, и вынужден был налаживать отношения с ранее существовавшими элитами и институтами, не обладая абсолютной государственной властью над ними.

Какие можно привести примеры нетоталитарных фашистских государств? Хотя все сходится во мнении, что к этой категории можно отнести Италию при Муссолини, в случае с Испанией, Австрией или Центральной Европой имеются серьезные разногласия. Престон (Preston 1990) утверждал, что в Испании при Франко репрессии против рабочего класса были гораздо сильнее, чем в Германии⁷, позволяет отнести его к фашистскому лагерю, но он забывал, что авторитаризм может быть столь же жестоким, как и фашизм (в качестве примера

⁷ Правление Франко унесло сотни тысяч жизней, и сотни тысяч вынуждены были покинуть страну. Диктатура истребила четверть миллиона человек, имела концлагеря и направляла войска на Восточный фронт, чтобы поддержать Гитлера.

можно привести множество латиноамериканских режимов, о которых пойдет речь позднее). Можно утверждать, что Испания была фашистской в начале правления Франко из-за близости к каудильо фашистской *Falange*, но вскоре стало ясно, что католическая консервативная олигархия держала бразды правления в своих руках и что Франко приходилось править с их одобрения и при небольшой мобилизации снизу. Испания не отвечала трем главным условиям фашизма — главенству государства, народной мобилизации и сильной идеологии.

Точно так же салазаровская Португалия, хотя и использовала некоторые фашистские лозунги, как и консервативные правительства Австрии при Энгельберте Дольфусе и Курте фон Шушниге, не выходила за пределы традиционного консервативного лагеря. Радикальные фашистские движения также возникли в большинстве центрально-европейских стран в межвоенный период — особенно в Венгрии, Хорватии, Болгарии и Румынии (Rayne 1995), — но им не удалось установить фашистские правительства (за исключением Хорватии), что заставило исследователей сделать вывод, что традиционный консерватизм столь же недружелюбен к фашизму, как и устоявшаяся демократия. В межвоенный период фашистские движения возникли также в Западной Европе, особенно во Франции, но к 1938 году они утратили большую часть своей силы, и даже немецкая оккупация не смогла вдохнуть в них новую жизнь. Что касается Вишистского правительства в оккупированной нацистами Франции, то исследователи признают его традиционно консервативным (Milza 2001; Burrin 2000).

Одним из наиболее спорных и нерешенных вопросов остается возникновение фашизма, начиная с неизменного вопроса «почему именно Германия». В ранних дебатах преобладало представление о немецкой исключительности, проецирующее, как утверждал Или (Eley 1995), культурно и исторически детерминистскую идею, в соответствии с которой нацизм был неизбежным результатом развития отсталого общества с доиндустриальными авторитарными традициями (Moore 1966; Dahrendorf 1968; Gerschenkron 1943).

Последние десятилетия поставили под сомнение распространенные объяснения фашизма в Германии и Италии как следствия Великой депрессии, реваншистского недовольства Версальским миром или атавистического расизма немецкой нации. Было показано, что в годы Великой депрессии в Чехословакии падение промышленного производства было гораздо более значительным (61%), чем в Германии (39%), и что более резкий спад в Германии в сравнении с Норвегией и Данией (15%) или Швецией (11%) объяснялся более низким уровнем промышленного развития этих стран в годы, предшествовавшие Великой депрессии (Luebbert 1991: 307–308). Безработица в 1929–1933 годах в Скандинавии была такой же высокой, как и в Германии, а Польша пострадала от гиперинфляции ничуть не меньше, чем Германия. Даже в Австрии, стране, столь же обремененной, как и Германия, империа-

листическим и консервативным прошлым и сильным фашистским движением, никакой фашистский режим так и не пришел к власти за весь довоенный период, несмотря на 38%-е падение промышленного производства. Что касается Италии, где фашистский режим пришел к власти в 1922 году, то есть до Великой депрессии, ее показатели промышленного производства в 1929–1933 годах выросли на 11% (Luebbert 1991: 307–308). Напротив, в Испании, где промышленное производство упало всего на 18%, фашистская коалиция переживала подъем, в конце концов сровняв с землей едва родившуюся испанскую демократию не без помощи нацистских мессершмиттов.

Тезис о военном реваншизме (Milza, 1987; Collins, 1995; Linz, 1976; Machefer, 1974) выглядит не более убедительным. Хотя вооруженные силы Испании в 1921 году потерпели поражение от кабилских повстанцев в Северном Марокко и от испано-американской войны в 1894 году⁸, а Австро-Венгрия потерпела поражение в 1918 году, они все же не стали фашистскими режимами⁹. Наконец, в Португалии, где, как казалось, присутствовали все предпосылки для появления фашизма¹⁰, фашистское движение не смогло прийти к власти. Что касается расизма, известно, что, вовсе не ограничиваясь одной только Германией, антисемитизм был настолько распространен в Центральной Европе (особенно в Польше и Хорватии), что население этих стран практически передавало евреев в руки немцев. Гамильтон (Hamilton 1995) также показал слабость культурных объяснений нацистского успеха в Германии.

Не менее спорными выглядят представления Мура о пути к демократии и фашизму (Moore 1966)¹¹ и их недавнее развитие (Stephens 1989; Rueschemeyer, Stephens, and Stephens 1992). Авторы последних работ предлагают ослабить тезис Мура о возникновении фашизма, утверждая, что наличие класса крупных землевладельцев препятствует развитию демократии или способствует ее закату, ограничивая альянсы,

⁸ Генерал Санхурхо, ветеран испано-американской войны, был первым главой военного заговора против демократического правительства. Его неожиданная гибель в результате авиакатастрофы позволила Франко стать лидером.

⁹ Это не значит, что использование фасций как эмблем или антисемитизм не были распространены в этих странах, как и в большинстве стран Центральной Европы.

¹⁰ Этими условиями были: модернизм и футуризм, национализм, травмы в результате Первой мировой войны, активность рабочих, антикоммунизм, молодые офицеры, политизированные крайне правыми, фасция *avant la letter* Сидонио Паиса, появление массовой политики и кризис легитимности либерализма (Pinto 1995).

¹¹ Стивенс (Stephens 1989) так изложил выдвинутую Муром идею пути к фашизму: (1) землевладельцы должны быть сильными и сохранять значительную власть во время демократической интерлюдии; (2) сельское хозяйство должно подавлять рабочую силу, используя при этом политическую, а не рыночную власть над крестьянами; (3) индустриализация должна быть достаточной для того, чтобы буржуазия стала важным политическим участником; (4) буржуазия остается в политически зависимом состоянии, так как индустриализация проводится при поддержке государства.

которые могут быть заключены с другими классами. Соответственно, альянс между классом прусских юнкеров, капиталистами и нацистской партией в Германии в межвоенный период и неспособность среднего и рабочего класса создать альянс, который мог бы спасти Веймарскую республику, объясняется присутствием влиятельного класса землевладельцев. Капиталисты, зависимые от государства в вопросах промышленной политики, приняли авторитарную политику землевладельческих элит (представление, которое было решительно оспорено Блэкберном и Или [Blackbourne and Eley 1984]), а немецкий рабочий класс, хотя и был одним из наиболее организованных в Европе, все же оказался слишком «изолированным», чтобы отстаивать свои интересы¹². И вместо того, чтобы попытаться объяснить возникновение фашизма, как это делал Мур, Рушмайер и его соавторы (Rueschemeyer et al. 1992) ограничились рассмотрением «авторитарного пути», оставив без ответа вопрос о том, почему землевладельческие консервативные силы в Германии, Италии и Испании пошли на альянс с фашизмом, а не избрали авторитарный путь. Используя те же данные¹³, но оценив силу класса землевладельцев в соотношении с крестьянством, Любберт (Luebbert 1987) не обнаружил никакой корреляции между аграрной социальной структурой и фашизмом.

Разобравшись с грубым классовым подходом, Любберт выдвинул предположение, что там, где либеральные партии преодолели расколы в среднем классе и получили поддержку рабочего класса до начала Первой мировой войны, возникла либеральная демократия, как во Франции, Британии и Швейцарии, но там, где им этого сделать не удалось, «единственной коалицией, способной создать адекватное политическое большинство, была коалиция во главе с социал-демократами или фашистами, объединявшая городской класс с сельским... Когда крестьяне вставали на сторону городских рабочих, в результате возникал социал-демократический режим. Когда они вставали на сторону городского среднего класса, в результате возникал фашизм» (Luebbert 1991: 10–11). Эта интерпретация, возможно, придавала слишком большое значение партийной политике, которая, в отсутствие всеобщего избирательного права для мужчин (которое появилось в странах, пошедших по фашистскому пути, после Первой мировой войны), была олигархической по своей природе. Согласно Пейну, объяснение закономерности, выявленной Люббертом, возможно, заключалось в том, что путь

¹² Вместо этого загадочного утверждения об «изолированности» немецкого рабочего класса, тот факт, что немецкие коммунисты расколоты на «уклонистское» социал-демократическое крыло и жестких сторонников Коминтерна отчасти может объяснить их относительную слабость перед ранними нападениями нацистской партии. Не менее убедительной кажется точка зрения Грамши (Gramsci 1924), который полагал, что все дело было в разрушении фашизмом организации рабочего класса.

¹³ Рассматривались Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Франция, Финляндия, Британия, Австро-Венгрия, Испания, Италия и Германия.

к демократии предоставлял «широкое политическое участие сравнительно рано в эпоху современной политики, тогда как для обществ, в которых всеобщее избирательное право для мужчин было введено только в 1919 году, оно появилось слишком поздно, по крайней мере для межвоенного поколения» (Payne 1995: 130). Полученные Люббертом данные также согласуются с тем обстоятельством, что «в сохранившихся парламентских режимах альянсы либералов и умеренных социал-демократических рабочих сил складывались до или вскоре после Первой мировой войны» (Payne 1995: 130).

Эта интерпретация также проясняет загадку альянса между землевладельческой аристократией и фашистами, которую невозможно объяснить простое «присутствие аграрных элит»: там, где существовала длительная парламентская традиция и всеобщее избирательное право для мужчин, консервативные силы могли опираться на сложившиеся консервативные партии для защиты своих интересов и получения преимуществ, не ставя под сомнение республиканскую структуру. Служба включить фашистские силы в консервативный альянс для восстановления консервативной традиции, прерванной демократической интерлюдией, возник в контексте с небольшим опытом парламентской политики или голосования у масс. Как только альянс был создан, произошедшее уже нельзя было вывести из любой совокупности структурных переменных.

Неудовлетворенный объяснениями Любберта или Пейна, Брюштейн (Brustein 1996) отвечает на вопрос «Почему Германия?», рассматривая голосование за нацистскую партию в 1932 году (за нее было отдано 37,3% голосов), которое привело к появлению роковой коалиции консерваторов и нацистов и занятию Гитлером поста канцлера в 1933 году. Он утверждает, что немецкие избиратели, скорее, рационально откликнулись на нацистскую программу восстановления экономики, чем на антисемитские и ксенофобские лозунги, которые использовало тогда большинство других консервативных партий. Принимая во внимание значение, которое придавалось идеологическим аспектам привлекательности нацистов, объяснение немецкой исключительности вряд ли связано с внезапным изменением предпочтений избирателей. Такое голосование оказалось важным, потому что оно сопровождалось решением Гинденбурга создать коалиционное правительство с нацистской партией, которое подготовило почву для того, что произошло позднее, но даже тогда полностью не определяло его¹⁴. За исключением исторической науки, общественным наукам пока нечего особенно сказать о таких радикальных исторических развилках.

¹⁴ Вспомним более современный пример со схожим сценарием, но иным результатом: в 2000 году Жак Ширак, глава французских правоцентристов, *отказался* сформировать электоральную коалицию с ультраконсервативным «Национальным фронтом» Ле Пена. Если решение Гинденбурга стало трагедией для Германии и всего мира, то Ширак, возможно, избежал ее.

Сегодня имеются более взвешенные описания судеб Германии или Италии (Eley 1995; Burrin 2000; Furet and Nolte 1998), которые оставляют место для несоциологических факторов и непредвиденных обстоятельств.

Из всего этого корпуса исследований можно сделать вывод, что состояние Германии, несмотря на ее непростое авторитарное прошлое, не слишком отличалось от состояния большинства стран Центральной и Южной Европы и указывало в направлении более традиционного авторитарного будущего¹⁵. Но только в Германии и Италии фашизм вырос в полноценный режим, и объяснения этого социальные науки пока не дали, хотя, возможно, здесь лучше говорить об исторической случайности.

Авторитаризм

Хотя, как мы видели, авторитаризм был широко распространен в Европе и других странах в начале XX века, он не имел точного определения до тех пор, пока Линц не отнес Испанию при Франко к классу «политических систем с ограниченным, не ответственным политическим плюрализмом без проработанной и ведущей идеологии, но с особым менталитетом, без широкой или интенсивной политической мобилизации, за исключением некоторых моментов в их развитии, и при которых лидер или небольшая группа осуществляют власть в плохо определенных, хотя и довольно предсказуемых, пределах» (Linz 1970: 255).

Этот новый взгляд пришелся как нельзя кстати, принимая во внимание широкое распространение нового недемократического правления в Латинской Америке, которое положило конец эпохе протодемократических популистских мобилизаций в Аргентине, Уругвае и Бразилии и демократическому социализму в Чили. Некоторые исследователи видели в этом консервативную реакцию на такие потрясения, хотя подобные политические мобилизации в Мексике (при Карденасе в 1934–1939 годах) не имели таких последствий, а Чили и Уругвай, которые популизм миновал, также стали авторитарными странами. В своей книге «Модернизация и бюрократический авторитаризм» (O'Donnell 1973), которая отталкивалась от идеи Линца и развивала ее в споре с теориями зависимого капитализма и работами Степана о профессионализации военных (Stepan 1971, 1973), Гильермо О'Доннел назвал это новое явление «бюрократическим авторитаризмом». Это понятие

¹⁵ В Венгрии на смену революционной марксистской диктатуре пришла правая оппозиция; в Болгарии прогрессивное правительство Стамболийского было свергнуто в 1923 году альянсом радикальных правых; в Румынии фашистский «Легион архангела Михаила» стал весьма влиятельным к середине 1930-х; в Испании Примо де Ривера установил правую диктатуру (1923–1930), которую затем сменила диктатура Франко (1936–1976); в 1926–1929 годах правые перевороты произошли также в Греции, Польше, Литве и Португалии.

тут же было объявлено важнейшим открытием, служившим, как тогда казалось, разгадкой лавинообразного краха в 1960–1970-х латиноамериканских популистских протодемократий¹⁶. Вместе с продолжавшимися спорами о зависимом капитализме, эти работы положили начало необычайно богатым и плодотворным дебатам.

Концептуальное рождение авторитаризма также имело важные последствия для политики, поскольку в своих стратегических альянсах против потенциального советского / кубинского экспансионизма американские стратеги считали авторитарные правительства политически более приемлемыми союзниками, чем других недемократических правителей, и это обстоятельство во многом способствовало легитимации и консолидации этих режимов.

Но с изменением политики при администрации Картера и общей слабой экономической отдачей этих режимов они утратили внутреннюю и внешнюю поддержку, заложив тем самым основу для третьей волны демократизации, которая началась в 1983 году с Аргентины. На первый взгляд, между представлениями Линца и О’Доннела об авторитаризме имеются некоторые расхождения, если говорить о структуре режимов. Но, в отличие от Линца, О’Доннел придает определяющее значение социальной основе режимов: бюрократически-авторитарные режимы опираются на коалицию военных и деловых технократов, действующих в тесном сотрудничестве с иностранным капиталом. Они исключают подчиненные классы (объявляя вне закона все политические организации рабочих, крестьян или горожан и преследуя их лидеров) и потому являются «резко антидемократическими» (Collier 1979: 24). «Ограниченный плюрализм», включенный в определение Линца, служит важной коррективой: так как бюрократически-авторитарные режимы опирались лишь на очень немногочисленную элиту, их политика едва ли могла быть плюралистической, в лучшем случае – фракционной. В «бюрократическом авторитаризме» О’Доннела также отсутствует понятие «ментальности», несколько размытое понятие в определении Линца, которое можно понять только как довольно шаткую идеологию.

Наиболее важное различие между этими авторами состоит в том, что Линц стремился выделить структурные черты авторитаризма, независимо от происхождения или политики, а О’Доннел размышлял об особом историческом развитии режимов, которое привело к появлению бюрократических авторитаризмов в Латинской Америке. На первом этапе олигархические демократии, которые правили в Латинской Америке с XIX века и до Великой депрессии, пользовались поддержкой экономических элит (преимущественно землевладельческих, но также связанных с добывающими отраслями), власть которых основывалась

¹⁶ В Бразилии в 1964 году, в Аргентине в 1966 году и снова в 1976 году после короткой передышки; в Уругвае и в Чили в 1973 году.

на экспорте сырья в промышленно-развитые страны. На втором этапе эти олигархии были свергнуты протодемократическими популистскими лидерами¹⁷, опиравшимися на многоклассовые коалиции городских элит и народных масс и выступавшими за импортозамещающую индустриализацию (ИЗИ). Наконец, на третьем этапе возникновение бюрократических авторитаризмов совпало с окончанием простой фазы замещения импорта (легкая промышленность, производящая потребительские товары) и привело к господству военно-технократических элит и лишению широких масс выгод нового капиталоемкого промышленного роста.

Предложенное О'Доннелом экономическое объяснение возникновения бюрократического авторитаризма, особенно гипотеза о его появлении вследствие «углубления» и «исчерпания» импортозамещающей индустриализации (Cardoso 1979), встретило неоднозначный прием; исследователи призвали уделять больше внимания роли участников и идеологий в переходе от популистской к ортодоксально-рыночной экономической политике (Hirshman 1979). Второе направление критики касалось слишком широкого употребления понятия «бюрократический авторитаризм», которое стало применяться почти ко всем недемократическим режимам Латинской Америки в 1970-х — будь то популистские и включающие, как в послереволюционной Мексике, или элитистские и исключаящие, как в Чили при Пиночете или в Аргентине при военной хунте в 1976–1983 годах¹⁸. Это побудило исследователей создать новые классификации, проводящие различие между «включающими» или «популистскими» и «исключающими» или «бюрократическими» авторитаризмами.

Но несмотря на сравнительную ограниченность схемы «бюрократического авторитаризма», интерес О'Доннела к альянсам и коалициям, поддерживающим такие режимы, способствовал пониманию логики и эволюции последних и прекрасно согласовывался с нынешним интересом к социальному составу, укрепляющему или ослабляющему недавно созданные демократии. Как показали работы О'Доннела, Шмиттера и Уайтхеда о демократических переходах (O'Donnell, Schmitter, and

¹⁷ Важно отметить, что слово «популистский» в латиноамериканском контексте ассоциируется с включающими режимами, имеющими некоторые авторитарные черты, но допускающими политические требования социальной политики и введение прогрессивного трудового законодательства.

¹⁸ В случае с Мексикой этот термин применялся, несмотря на три явных противоречия с определением «бюрократического авторитаризма»: включение народных масс (через корпоративные механизмы государства) с 1930-х, наличие более популистской, а не технократической правящей элиты вплоть до 1980-х и продолжение политики замещения импорта в 1980-х. Даже в 1990-х, во время расцвета неолиберальной политики, включение масс посредством специальных социальных программ сохранилось. Кроме того, военные в Мексике не играли большой роли на политической карте после революции 1910 года (и даже до нее).

Whitehead 1986), падение этих диктатур обусловлено распадом альянсов, благодаря которым стало возможным появление бюрократических авторитаризмов, альянсы между *blandos* («жесткими») и *duros* («мягкими») среди военных и между военными и капиталистами.

Дебаты об авторитаризме вскоре были прерваны *sine die*, когда в 1983 году после провала военной операции на Мальвинах¹⁹ Аргентина вернулась к гражданскому правлению, а через какое-то время за ней последовали Уругвай (1984), Бразилия (1988) и Чили (1989). Эти преобразования незамедлительно (и довольно поспешно) были объявлены «демократическими», несмотря на сохранение в ряде стран у власти военных («военная опека»: Loveman 1994; Agüero 1992; Mainwaring, Brinks, and Perez-Linan 2000) и отсутствие во многих случаях конституционных гарантий демократии, основных гражданских прав или правовых норм, которые в конечном итоге должны были появиться в результате демократической консолидации.

В результате потенциально устойчивое пересечение между авторитаризмом и демократией осталось почти не изученным²⁰. Склонность считать авторитарные режимы неделимыми единицами почти не оставляла пространства для изучения действия субрежимных сил, которые делали такие режимы более радикальными, чем допускало определение Линца, или способствовали их будущему распаду. В первом случае практически тоталитарные институциональные анклавы, наделявшие военных неограниченными полномочиями, которые позволяли пренебрегать всеми правами человека в фанатичной борьбе с коммунизмом и проведении в жизнь идеологии национальной безопасности (Barahona de Brito 1997: 25), оказались совершенно не замеченными. Во втором случае важность для редемократизации открытых или скрытых антирежимных народных мобилизаций при диктатурах не получила должного признания.

В результате демократизация ассоциировалась в основном с консультациями среди элиты и сознательной работе сверху (Di Palma 1991)²¹. Точно так же забытыми оказались недемократические действия некоторых новых демократий (как в Аргентине при Менеме или в Перу при Фухимори).

¹⁹ Тогда военная хунта выступила против притязаний Британии на Фолклендские острова (или Мальвинские, как их называют аргентинцы) и с треском проиграла.

²⁰ Важное исключение составляют описания стран (в том числе старых демократий) как палитр «господства» и «негосподства» права (см.: O'Donnell 1993; Mendez, O'Donnell, and Pinheiro 1999; Fox 1994 об устойчивых сочетаниях авторитаризма и либерализма; и Fatton Jr. 2002 о сохранении султанства на Гаити). И поскольку некоторые режимы Центральной Америки не отвечали даже минимальным шумпетеровским критериям демократии, они стали считаться перманентными гибридами (Karl 1990; Schmitter 1991).

²¹ Критический обзор теорий демократического перехода в Латинской Америке см.: Brachet-Marquez 1997.

Важной разновидностью недемократических режимов, которая не вписывается в представления о тоталитаризме и авторитаризме, является султанизм, термин Линца, первоначально заимствованный у Вебера для обозначения крайней формы патримониализма, при которой власть основывается исключительно на неограниченном личном правлении, независимом от законов, ценностей, идеологии или традиции, а лояльность правителю означает полное подчинение, основанное на смеси страха и алчности (Chehabi and Linz, 1998a). В таких режимах правит коррупция, а нарушение прав человека служит ключевым инструментом поддержания *status quo* (Chehabi and Linz, 1998a). Тот же феномен описывался как «патримониальное преторианство» (Rouquié 1984, 1987), «мафиократия» (Wickham-Crowley 1992), «клептократия» (Evans 1995) или просто «неопатримониализм», и каждый из этих терминов высвечивал одну из граней феномена. Как и во всех типологиях, это определение обозначает семейство режимов, а не некий образец, с которым необходимо соотносить все существующие режимы; иногда в этих режимах могут даже сохраняться остатки демократических институтов (хотя и не работающих), как на Кубе при правлении Батисты или в Иране при шахе. Другими типичными случаями являются Гаити при обоих Дювалье, династия Сомосы в Никарагуа, Заир при Мобуту, Доминиканская Республика при Трухильо, Филиппины при Маркосе или Уганда при Иди Амине. При султанических режимах все автономные институты и организации исчезают, становясь личной собственностью правителя, так что эти режимы в каком-то смысле являются безгосударственными. Как и при тоталитаризме, все формы социальной организации, за исключением самых элементарных (вроде семьи, предприятия, соседей) запрещаются и разрушаются, превращая общество в бесформенную массу.

Султанические режимы обычно развиваются из других форм правления: Дювалье был избран демократическим путем в 1957 году, а Фердинанд Маркос — в 1965 году. Они также могут появиться в результате краха клиентистской демократии или распада тоталитарных или авторитарных режимов, как в Румынии при Чаушеску (Chehabi and Linz, 1998b). Некоторые условия, способствующие появлению султанизма, совпадают с условиями тоталитаризма: модернизация в транспорте, коммуникациях, военных и полицейских практиках и появление минимальной гражданской бюрократии, способной управляться с финансовыми делами на базовом уровне (хотя она и несопоставима по своим организационным возможностям с тоталитарными государствами). Для этой формы деспотизма характерны также изоляция и крайняя бедность масс, гарантирующие пассивность масс и значительную помощь из-за рубежа.

Снайдер утверждал, что для объяснения возникновения или распада султанизма недостаточно просто назвать структурные условия, и пред-

лагал учитывать силу оппозиции и случайных факторов (Snyder 1998). Например, оппозиция может быть слабой, но режим может обрушиться под весом непредвиденных событий, вроде землетрясения (как в случае с Никарагуа) или американского вторжения (как в случае с Панамой при Норьеге). И наоборот, оппозиция может быть сильной, но режим сохраняется, так как этому благоприятствуют обстоятельства, что согласуется с утверждением Пшеворского (Przeworski 1986), что крайне нелегитимные режимы продолжают существовать до тех пор, пока ключевые участники не видят альтернатив. Участники также могут заблуждаться насчет альтернатив и затевать восстания, которые затем жестоко подавляются (как в случае с курдами при Саддаме Хусейне в 1980-х).

Хотя большинство авторов признает важность внешней поддержки султанических режимов, они обычно называют ее всего лишь одной из многих переменных, благоприятствующих появлению такого типа правления. Возможно, сейчас самое время отдать должное этой составляющей, признав, что султанические режимы возникают и сохраняют жизнеспособность на протяжении многих десятилетий, если они имеют практически неограниченные источники богатства, вроде доходов от продажи нефти (как в случае с Ираком и Ираном). Без таких ресурсов нельзя обучать или вооружать армии и военизированные подразделения, нельзя платить спецслужбам и информаторам²², нельзя купить сторонников, а импорт не может компенсировать слабость экономики. Иными словами, предоставленные сами себе султанические режимы просто пожирают сами себя, пока у них не остается никаких сторонников. Поэтому власть в них может сохраняться только искусственно.

С 1945 по 1970-е султанические режимы распространились в Африке, Латинской Америке и Азии, усиливаясь и ослабевая в зависимости от готовности представительных демократий (Франции, Британии, Бельгии, Соединенных Штатов) поддерживать их, несмотря на злодеяния, открыто совершаемые ими. В эпоху Маккарти либеральные националисты в Иране провели успешный поначалу переворот против шаха, за которым сразу же последовал разработанный ЦРУ контрпереворот, и уже после него установился султанический режим, а недавно созданная спецслужба САВАК начала пытаться и казнить подозреваемых противников режима (Parsa 2000). Точно так же 1954 год обозначил конец демократического правления в Гватемале, когда ЦРУ поддержало крайне правые силы для свержения демократической администрации Хакобо Арбенса, повинной в том, что она провела земельную реформу в стране, в которой все еще была распространена долговая кабала. Политика администрации Картера, отказывавшей в поддержке режимам, которые нарушали права человека, напротив, сыграла главную роль в ограничении использования шахом военной силы про-

²² Мобуту имел множество спецслужб, которые терроризировали население и дрались друг с другом за сферы влияния и денежные потоки.

тив своего народа в 1970-х²³. Впоследствии администрации Рейгана и Буша не выступали против подавления оппозиции в Ираке и Сирии (Katouzian, 1998).

Под таким углом зрения султанические режимы оказываются не просто старомодными авторитарными режимами, но чуть похуже, а феноменом, который обязан своим существованием устройству международных отношений. Вовсе не исчезнув после окончания холодной войны, они приобрели новое стратегическое значение в борьбе против терроризма и экстремизма, поэтому неопатримониальные режимы в Саудовской Аравии, Кувейте, Азербайджане, Пакистане или Нигерии все еще могут рассчитывать на полную поддержку со стороны западных демократий. Примечательно, что вероятность установления таких режимов выше в практически безгосударственных обществах с длительной историей произвольного правления и отсутствием всяких прав, олицетворением которых служат Иран, Гаити и бесчисленное множество постколониальных стран Азии и Африки.

Что происходит с султаническими режимами, когда они терпят крах? Нет ничего удивительного в том, что, в отличие от других недемократических режимов, вероятность развития из них демократий (Chehabi and Linz 1998b: 37) гораздо ниже из-за практически полного отсутствия в них автономных институтов, социальной дезорганизации, которая является результатом террора, и манипулирования демократическими процедурами со стороны элит. Это помогает понять, почему при султанических режимах вероятность совершения и успеха военных переворотов выше, чем при других недемократических режимах (как в Иране при Пахлави, в Никарагуа при Сомосе, на Кубе при Батисте или при сайгонском режиме в Южном Вьетнаме).

В случае перехода к демократии наиболее высока вероятность появления устойчивых гибридов демократии и авторитаризма (как в современной Центральной Америке) или военной опеки (как первоначально было в Чили и Аргентине). Режимы, возникающие в результате революций против султанизма, могут быть социалистическими (как во Вьетнаме или на Кубе), леворадикальными (как в случае с сандинистскими правительствами в Никарагуа) или клерикально-опекунскими (как в Иране и Афганистане).

Движения против авторитарных и султанических режимов

Поскольку демократия избегает использования насилия, вооруженные восстания, даже против тоталитаризма и авторитаризма, неизбежно ока-

²³ Но после победы Иранской революции во главе с Хомейни в 1978 году и победы сандинистов в Никарагуа в 1979 году и Картер, и Рейган сделали в своей политике ставку на недопущение новых революций. (Goodwin 2001:203). Оценку эволюции Ирана после произошедшей в нем революции см.: Esposito 2001.

зываются недемократическими²⁴. Поэтому, говоря о недемократической политике, мы не можем оставить без внимания вооруженные движения. Вооруженное восстание определяется здесь как не подпадающее под действие закона идеологически обоснованное применение насилия во имя более широкого общего блага (социализм, территориальная независимость или некая разновидность радикального государства всеобщего благосостояния), которое может вызывать ответные репрессии²⁵.

Вместо борьбы с несправедливостью внутри страны первое поколение вооруженных повстанцев в Латинской Америке (1959–1967) пошло по пути Че Гевары, как утверждали некоторые исследователи (Castaneda 1993; Wickham-Crowley 1992). Но вопреки их модели эти повстанцы быстро утратили связь с умеренными левыми, хотя они не боролись ни с жестокими военными, ни с султанистскими режимами (за исключением Гватемалы), не вели войн за национальное освобождение, как это было поначалу в случае с Фиделем Кастро и его союзниками (Wickham-Crowley, 1992).

Это первое поколение повстанцев состояло из радикально настроенных молодых людей с университетским образованием²⁶, которые презирали умеренных левых или сотрудничество своих правительств с центристами или правыми. Политические ситуации, с которыми они сталкивались, отражали широкую гамму от радикального популизма (как в случае с правительством, которое пришло к власти после боливийской революции 1952 года) и умеренных левых (как социал-демократическое правительство Ромуло Бетанкура в Венесуэле)²⁷ до консерва-

²⁴ Примером демократической подготовки к падению диктатуры при помощи тайной организации антирежимных социальных движений и партий могут служить Чили при диктатуре Пиночета и Польша при коммунистическом правлении. Это не означает, что недемократические действия не нужны для свержения недемократических режимов. Но если такие действия не будут поддержаны демократическими активистами, режим, который свергнет недемократию, скорее всего, сам окажется недемократическим.

²⁵ Надо отметить, что определение «тоталитарные», применяемое к вооруженным повстанческим движениям, является неуместным, поскольку они не имеют государства и, следовательно, элементов государственной организации (бюрократия, партия, военные, полиция), а также государственного террора, без которого тоталитаризм немислим.

²⁶ Исходя из данных о погибших за период с 1964 по 1978 году, 64% повстанцев были представителями образованной верхушки среднего класса, 33% — рабочими и 3% — техническими специалистами. Среди тех, кто официально подверглись пыткам (то есть не считались «пропавшими без вести»), 55% получили образование в колледжах, 12% были техническими специалистами, 26% — студентами и 10% — университетскими профессорами (Castaneda 1993: 93).

²⁷ В 1947–1948 годах Бетанкур возглавил правительство, которое проводило социальные реформы, не учитывая возможной консервативной реакции, которая привела к его свержению в результате военного переворота. Во время его администрации в 1959–1964 годах он провел глубокую аграрную реформу и подавил три (правых) военных мятежа.

тивного авторитаризма (как Перу при Белаунде)²⁸ и крайне жестоких военных режимов, как в Гватемале. Несмотря на эти различия, революционный репертуар во всех странах оставался практически одинаковым: буржуазная демократия была обманом, а вооруженное восстание — единственным средством построения социализма.

Несмотря на военный провал, первая волна восстаний запустила огромные машины репрессий и привела к установлению четырех военных диктатур в Южном конусе (Уругвай, Аргентина, Бразилия и Чили) и еще большему укреплению позиций тех, что уже находились у власти в Центральной Америке. Эта реакция обеспечила прирост учащихся в Военной школе обеих Америк в зоне Панамского канала, где офицеры латиноамериканских стран обучались методам партизанской и контрпартизанской войны и разведывательной деятельности, доктрине национальной безопасности и слушали пугающие истории о мировом коммунизме²⁹.

После того как первая волна восстаний утихла, а городские повстанцы были быстро подавлены, Латинскую Америку захлестнула новая волна восстаний, менее любительских и более смертоносных. Репрессии стали более жестокими, а количество военизированных подразделений и «эскадронов смерти», тайно финансируемых из различных источников, в том числе их собственными правительствами, резко выросло. В этот период вновь единственной успешной партизанской войной оказалась та, которая ставила перед собой целью национальное освобождение и свержение всеми ненавидимого (даже в деловых кругах) султанического режима Анастасио Сомосы в Никарагуа³⁰. Но затем ответ консервативных военных при поддержке Соединенных Штатов привел к падению левого сандинистского режима и переходу к парламентской демократии после достижения соответствующих договоренностей.

Вместо того чтобы попытаться одержать военную победу, второе вооруженное восстание в Сальвадоре смогло заставить силы правительства прийти к мирному соглашению в 1992 году, а затем, разоружившись, принять участие в демократических выборах. В Колумбии, един-

²⁸ В 1964 году Белунде провел во многом косметическую аграрную реформу, распределившую бесплодные участки джунглей среди безземельных крестьян, не затронув орошаемых земель, которыми владели олигархические семьи.

²⁹ До сих пор офицеры, обвиненные в нарушении прав человека, утверждают, что они спасали свои страны от коммунистической угрозы и, пытая своих пленников, исполняли патриотический долг (Рауне 2000).

³⁰ Но после осуществления единственной успешной революции в Латинской Америке после кубинской сандинисты перешли к коллективизации земель и обязательному призыву крестьян и местной народности мискито (многие из них поддержали революцию), которые затем пополнили ряды «контрас», сражавшихся против революционного правительства при поддержке администрации Рейгана (Рауне 2000).

ственной стране, где вооруженное восстание произошло еще до кубинской революции³¹, сохранялось постоянное тупиковое положение, которое привело к фактическому территориальному разделению страны между двумя враждующими лагерями. В Перу крайне авторитарная маоистская организация *Sendero Luminoso*, основанная в 1969 году в Аякучо, поначалу пользовалась широкой народной поддержкой (Degregori 1990), пока в середине 1990-х не была разбита военными и крестьянскими отрядами самообороны (Degregori et al. 1996)³². Что касается Гватемалы, где в это время шла партизанская война, особенно в населенных коренными жителями нагорьях, то она была выкошена правительственными войсками, которые, по оценкам католической церкви, за период с начала 1960-х по 1996 год, когда были подписаны мирные соглашения, истребили около 200.000 человек (Goodwin 2001: 198).

Самое недавнее вооруженное восстание, на сей раз с участием одного только коренного населения, за исключением его военного руководителя (субкомманданте Маркоса), произошло в Мексике в январе 1994 года в самом бедном и наиболее густо населенном штате Чьяпас. Но в этом случае военная фаза продлилась всего несколько недель, за которыми последовали упорные (но неудачные) попытки со стороны *Ejercito Zapatista de Liberacion Nacional (EZLN)* договориться с тремя сменявшими друг друга правительствами о конституционном изменении статуса коренных мексиканцев. Движение обвиняло правительство в неуважении к правам коренного населения и прав местного самоуправления, то есть, как это ни парадоксально, выступало за большую демократию, чем был готов предоставить своему коренному населению правящий режим, несмотря на окончание в 2000 году однопартийного правления.

История военного насилия против *status quo* в Латинской Америке не была бы полной, если бы она не включала военный переворот Хуана

³¹ С 1949 по 1965 год Колумбия переживала период, известный как *La Violencia*, когда различные группы повстанцев сталкивались с правительственными войсками, а крестьяне создавали независимые республики для того, чтобы защитить себя. В 1965 году эти первые группы были разбиты военными. Затем Коммунистическая партия Колумбии (одна из немногих принявших участие в восстании) выступила с заявлением о необходимости использования всех форм борьбы, тем самым толкнув даже гражданские ненасильственные группы на путь насилия и убийств (Castaneda 1993: 90).

³² Период войны был крайне жестоким, как показывают общие потери населения в регионе Аякучо (23,3%) и массовая миграция из изолированных деревень (Degregori et al. 1996: 16). Важная перемена произошла, когда были сформированы вооруженные и подготовленные гражданские комитеты обороны крестьян (или *Rondas Campesinas*). Этот подход сменил предыдущую политику априорного подозрения коренного населения в сотрудничестве с *Sendero Luminoso* (что было похоже на политику Соединенных Штатов во Вьетнаме в 1970-х). Крестьяне же начали сотрудничать с армией после того, как руководство *Sendero Luminoso* перешло к казням крестьянских лидеров.

Веласко Альварадо 1968 года, который сверг олигархический патримониальный режим в Перу (Stepan 1976). Но установившееся затем военное правительство (1968–1975), вовсе не представляя консервативные силы, проводило широкую аграрную реформу и радикальные реформы в промышленности и горнодобывающей отрасли. Но он также бросал в тюрьму своих противников, закрывал оппозиционные газеты и радио и приостанавливал действие гражданских свобод.

Хотя первой реакцией на вооруженное восстание были репрессии, дело не обязательно ограничивалось только ими (Goodwin 2001: 199). В 1980-х военные в Сальвадоре и Гватемале провели полудемократические выборы, в которых могли принимать участие христианско-демократические (центристы) и умеренные социал-демократические партии. Причинами этого были, во-первых, отсутствие сколько-нибудь очевидной военной победы после многих лет борьбы и, во-вторых, требование Соединенных Штатов относительно введения некоей формы демократического процесса в качестве условия для дальнейшего финансирования контрпартизанской борьбы, что еще раз свидетельствовало о влиянии поддержки или неподдержки демократии со стороны Соединенных Штатов³³. Хотя эти выборы и были крайне неудовлетворительными со строго демократической точки зрения, они все же смогли прекратить эскалацию насилия, которая в обеих странах приближалась по своему уровню к геноциду, и подготовиться к мирным переговорам. После этого спецслужбы в Гватемале и Сальвадоре были расформированы, а насилие «эскадронов смерти» сошло на нет (Goodwin 2001: 201). Но крайне правые также воспользовались возможностью для создания собственных политических партий и демократического занятия своих позиций в системе; поэтому им удавалось мешать принятию реформаторского законодательства, предложенного победившими центристскими силами (Goodwin 2001: 202).

Наконец, хотя вооруженные восстания и терроризм в послевоенной Европе были распространены гораздо меньше, чем в Латинской Америке, мы не можем не упомянуть о баскской сепаратистской организации ЭТА, боровшейся за независимость от Испании во время всего авторитарного периода и вплоть до настоящего времени, и об ирландской ИРА, ставшей неотъемлемой составляющей британской политики. К этому нужно добавить недавний вызывающий озабоченность рост неонацистских группировок в Германии и Швеции, несмотря на отсутствие политического представительства в этих странах (или, возможно, вследствие этого; Mudde 2002) и нарастание террористической деятельности военных и боевиков в бывшей Югославии (Mudde 2000a).

³³ Тем не менее в 1982 году администрация Рейгана решила исключить Гватемалу из списка стран, нарушающих права человека, после чего деньги от международных спонсоров могли поступать в страну безо всяких юридических препятствий (Goodwin 201: 203).

Крайне правые

В последние два десятилетия, как сходятся многие исследователи (Betz 1998; Hainsworth, 2000b; Merkl and Weinberg 1997; Plotke 2002: xxix), в большинстве демократий, старых и новых, наблюдался значительный сдвиг вправо. В результате, между правыми и крайне правыми возникло пересечение, вследствие которого последние приобрели налет демократической респектабельности и в некоторых случаях добились немалых избирательных успехов. Разнообразие контекстов и форм правой политики, наблюдавшееся на протяжении последних двух десятилетий, привело к серьезным разногласиям среди специалистов относительно определений; появилось множество самых разнообразных типологий крайне правых: *старых* традиционных и *новых* постиндустриальных (Ignazi 1997); популистских, неопопулистских или национальных популистских (Betz and Immerfall 1998; Mudde 2001); «радикальных» или «ультраправых» с точки зрения их отдаленности от центра; или консервативных антигосударственных (экономических либералов) и националистических популистских государственников (Mudde 2000b). Категория «крайних» партий и движений, понимаемых как «противостоящие с точки зрения идей и действий фундаментальным ценностям или институтам демократических режимов» (Mudde 2002: 135), в отличие от консервативных или радикальных правых, которые принимают демократические правила игры, способна вместить в себя многие из существующих классификаций.

В нашем случае полезно провести общее различие между четырьмя формами правых партий и движений, ориентированных на рынок (*неолибералы*) или на государство как на инструмент переопределения политики и общества (*неопопулисты*), а также *ультраконсерваторов*, которые не выходят за рамки демократической политики, хотя и призывают к радикальному пересмотру такой политики, и *крайне правых*, которые обращаются к внеинституциональному насилию. Хотя эти разграничения близки к тем, что предлагает Мудде (Mudde 2000b), они включают гораздо больше правых формирований, нежели его классификация. Тем не менее это не означает, что всегда существует четкое разграничение, поскольку некоторые ультраконсерваторы сочетают либеральные экономические воззрения с неофашистскими представлениями о том, как должно действовать государство, а другие группы проводят двойственную стратегию тайного насилия и лояльного участия в демократической конкуренции³⁴. Некоторые группы также колеблются между ультраконсерваторами и крайне правыми, зависимости от доступных возможностей и ограничений. Наконец, в особенности в Центральной Европе, встречаются случаи, когда предшествующее коммунистическое прошлое и популистское националистическое настоящее переплетают-

³⁴ В качестве примера можно привести ирландскую ИРА и ее политическую партию Шинн Фейн или баскскую ЭТА и ее партию Батасуна.

ся между собой настолько, что определение места в континууме левого и правого оказывается крайне непростым занятием.

Движения всех четырех категорий способны мобилизовать недовольство и привлечь своих сторонников к сравнительно длительной электоральной и /или насильственной деятельности. Ультраконсервативные неолибералы, вроде бразильской *Union Nacional de Proprietarios (UNP)*, состоящей из крупных землевладельцев, выступали против любых аграрных реформ сначала при помощи силы, а затем обратившись к выборам (Raune, 2000). Ультраконсервативные неопопулистские партии, вроде французского Национального фронта во главе с Жаном-Мари Ле Пеном или ксенофобской австрийской Партии свободы Йорга Хайдера, наживаются на широком разочаровании в доминирующей политике, кризисе представительства в старых партийных системах, антиэлитизме и ксенофобских настроениях по отношению к иммигрантам, на которых возлагают вину за ухудшение экономической ситуации, падение благосостояния и уровня жизни, безработицу или рост преступности (Hainsworth 2000a: 9). Учитывая их связь с неолиберальными военными диктатурами, полувойенные группы, вроде аргентинских *Carapintadas*³⁵, можно было бы вписать в ячейку с крайне правыми/неолибералами, а фундаменталистские группы, вроде противников абортотворения, или национал-коммунистические партии, вроде Социалистической партии Слободана Милошевича, можно отнести к неопопулистским/крайне правым движениям³⁶.

	Ультраконсерваторы	Крайне правые
Неолибералы	Union Nacional de Proprietarios (Бразилия)	Carapintadas (Аргентина)
Неопопулисты	Национальный фронт (Франция) Партия свободы (Австрия)	Противники абортотворения (США) Социалистическая партия (Югославия)

Для Западной Европы (Германия, Нидерланды и Фландрия) Мудде (Mudde 2000) кодифицировал идеологические варианты крайне правых партий по четырем пунктам: *национализм* (включая монокультурность); *ксенофобия* (включая гомофобию, антилевачество и антифеминизм).

³⁵ *Carapintadas* (буквально: «раскрашенные лица») – крайне правая тайная военная организация, которая совершала убийства людей, которые, как считалось, вели «подрывную» работу (коммунисты), даже после окончания холодной войны.

³⁶ Хотя отнесение противников абортотворения и партии Милошевича к одной категории выглядит странно, оно показывает, что классификации ничего не говорят о степени нарушения демократических правил. Противники абортотворения взрывали клиники, которые проводили абортотворения на совершенно законных основаниях, а сербские националисты использовали фашистские методы (подкупали банды для разжигания этнического конфликта, проводили этнические чистки и т. д.).

низм); *государственничество* и *социальный шовинизм* (социальная защита должна предоставляться только членам нации). К этому можно также прибавить *исключение* (часто в виде деления на расы) и исторический *ревизионизм* (пересмотр прошлого в случае с немецкими или фламандскими крайне правыми партиями).

Этот перечень из четырех пунктов, возможно, подходит к некоторым конкретным случаям, но он неизбежно утрачивает свою валидность за пределами Западной (и, возможно, даже Восточной) Европы³⁷, где крайне правые движения имеют некоторую ностальгию по фашистскому прошлому, явно выраженному в трех из четырех ключевых ценностей (исключение составляет социальный шовинизм), выделенных Мудде. Но вряд ли мы можем составить общий перечень объединяющих мифов и культурных нарративов, разделяемых всеми группами во всем мире. В то же время мы в состоянии построить соответствующий перечень ценностей и типологию групп для Соединенных Штатов, где на протяжении многих десятилетий, начиная с маккартизма через Общество Джона Бирча (Bell 2000) и вплоть до новых форм религиозного фундаментализма («Христианская коалиция») и военизированных групп (милиции) или сторонников превосходства белых («Новый порядок», «Лобби свободы»), идентичность правых групп определялась расизмом и антикоммунизмом. Латиноамериканские страны после диктатуры образуют еще одну особую группу, где огромная и растущая масса бедняков и требования преследования за преступления, совершенные во время диктатуры, служат основой для сплочения правых. Наконец, четвертый кластер могут образовать ближневосточные и азиатские страны, где фундаменталистские исламисты были единственной диссидентской группой, пережившей репрессии модернизационных авторитарных или султанских режимов, а ее традиционные ценности в некоторых случаях включались в официальный дискурс государств, стремившихся расширить свою власть над обществом (Macfarquhar and Resa Narr 2001).

Этот перечень может быть продолжен. И все же, несмотря на все проблемы, которые могут подниматься экстремистскими группами в различных регионах и на различных этапах истории, и на определенные идеологические положения, которые могут сблизать их, наиболее важное семейное сходство может состоять в тактике, которую они используют для мобилизации своих членов и получения доступа к политической власти. Пэйн считает, что «нецивилизованные движения» мобилизуются «политическими агентами», которые «описывают»

³⁷ В Центральной Европе, где несколько крайне правых партий пришло к власти после падения Берлинской стены, многие получили места в парламенте и стали легитимными коалиционными партнерами, в отличие от Западной Европы, где консервативные партии этого избежали. О посткоммунистической политике Восточной Европы см.: Кореску and Mudde 2003. Перечень крупных ультраконсервативных и крайне правых политических организаций см.: Samus 1999; Mudde 2000a, 2002.

современные события так, что они перекликаются с заботами и опасениями целевой аудитории, привлекая культурные символы и легитимационные мифы, которые связывают движения с признанными героями и злодеями. «Описание» связано с *обозначением*, которое превращает данные события в политические угрозы и, следовательно, катализаторы для политического действия, *обвинением*, которое находит козла отпущения, обвиняемого во всех обозначенных бедах, *наведением на цель*, которое убеждает целевую аудиторию в том, что серьезная угроза, которую обвиняемая группа представляет для нации, «не оставляет движению никакой альтернативы, кроме радикального политического действия» (Рауне 2000: 23); и, наконец, *заявлением*, что обозначенного врага можно победить, если движение будет бдительным, а его члены предпримут необходимые действия.

Вовсе не будучи достоянием одних только правых, эти механизмы показывают, как относительно маргинализованные (цивилизованные или нецивилизованные) социальные движения всех направлений могут находить поддержку в обществе, поскольку их действия определяются необходимостью «изобретения» и кристаллизации символических общностей путем непрерывной последовательности процессов «описания». Какие именно действия предпринимаются, а не вытекают из ряда ранее существовавших ценностей, зависит от результата взаимодействия между лидерами и членами, разворачивающегося в структурированных политических рамках.

Заключительные замечания

В настоящей статье я выделила основные исследовательские программы и дебаты, которые имеют место в широкой области изучения недемократической политики. Как мы видели, основные старые нерешенные проблемы (например, споры о пути к демократии или фашизму, вопрос «Почему Германия?», происхождение и экономические основы авторитаризма) все еще обсуждаются, и появляются новые данные. Но переход бывших авторитарных режимов в демократический лагерь поднял новые вопросы и открыл новые области для изучения.

В заключение к своей статье мне бы хотелось высказать некоторые соображения касательно будущих направлений исследования, из которых могут возникнуть новые исследовательские программы или которые могут привести к дальнейшему развитию старых.

Фашизм и тоталитаризм – достояние прошлого?

Тоталитаризм в узком смысле этого слова ограничивается двумя странами и периодами – нацистской Германией и сталинским Советским Союзом. Попытки распространить это понятие на другие случаи оказались неудачными или были простой пропагандой времен холодной войны.

Так что эти два случая нужно четко отличать от нетоталитарных коммунистических или фашистских режимов. Иными словами, два (довольно различных) тоталитаризма, которые возникли в межвоенный период, были уникальными и редкими сочетаниями обстоятельств, идеологических течений, участников и событий, которые никогда больше не повторялись. Тем не менее впоследствии появились новые тоталитаризмы со своим неповторимым своеобразием (и могут появиться в будущем), как показывает пример «культурной революции». Кроме того, некоторые крайне левые или правые движения преследовали схожие цели, но не смогли одержать политической победы. Например, перуанское *Sendero Luminoso* имело все черты маоистского тоталитарного режима и фактически установило тоталитарное правление на значительной части территории Перу в последний период своего существования.

Тоталитарные практики возникали также в особых институциональных анклавах, вроде военных в Латинской Америке, которые оказалось трудно искоренить и из-за которых постоянно существует угроза возврата к недемократическому правлению. Возможно, понятие тоталитаризма будет более полезным как качественное определение, а не как самостоятельный термин, позволяя квалифицировать коммунистические или фашистские режимы в качестве тоталитарных только в определенных случаях и в определенные периоды. Тем самым нам удалось бы избежать вынужденных сравнений между сущностными аспектами таких различных режимов, как сталинский СССР, гитлеровская Германия или маоистский Китай.

Все это означает, что тоталитаризм и фашизм сохраняют определенную эвристическую ценность при рассмотрении нынешней недемократической политики, но лишь в том случае, если они используются точно и гибко. Пересмотр докоммунистического и коммунистического прошлого России и Центральной Европы в этом свете является важной задачей не только для установления того, как эти режимы действительно работали с 1945 по 1989 год, но также для лучшего понимания различных культурных и структурных точек при переходе к демократии в этом регионе. Короче говоря, тоталитаризм и фашизм, существовавшие в XX столетии, были уникальными и потому неповторимыми, но понятия, созданные для осмысления этих феноменов, остаются полезными в случае их правильного раскрытия и обдуманного применения к новым условиям.

Следует ли нам и дальше говорить об авторитаризме?

Несмотря на попытки Линца и О'Доннела систематизировать понятие авторитаризма, оно оказалось настолько многогранным, что едва ли может быть применено к какой-то одной семье режимов, и потому к этому термину обычно прилагается множество уточнений. Тем не менее исходная типологизация постфашистского этапа развития Испании

при Франко по-прежнему служит полезным концептуальным ориентиром, четко отделяя авторитаризм от традиционных автократий, с одной стороны, и от фашизма или тоталитаризма — с другой. В отличие от традиционного господства, авторитарное правление опирается на современную бюрократию и технологические развитые средства наблюдения и подавления, а потому является совершенно современным феноменом. В отличие от фашизма и тоталитаризма, оно не мобилизует массы на действие, основанное на трансформационной идеологии (или делает это только на ранних этапах, как большинство постфашистских или постреволюционных режимов). Но авторитаризм всегда препятствует независимой от государства организации гражданского общества, что мешает установлению демократического гражданства на протяжении многих десятилетий после падения авторитарного правления.

Важная задача будущих исследований, которой до сих пор пренебрегали ради описания режимов в целом, состоит в том, чтобы изучить выживание или повторное появление авторитаризма в демократиях в данных группах и субнациональных регионах и в определенных институциональных нишах. Мы можем обнаружить, что, вовсе не будучи чуждыми демократическим практикам, такие черты авторитаризма, как клиентелизм, региональные бонзы и избирательное применение закона, поражают как новые, так и старые демократии.

Еще одна крупная исследовательская программа, которая нуждается в развитии, — это исследование динамики переходов от различных вариантов авторитаризма к демократии с поиском баланса между теорией и практическими исследованиями. Практические исследования позволят нам сохранить связь с уникальной исторически сконструированной природой путей, которыми граждане и лидеры преобразуют свои особые авторитарные структуры в демократические (или оказываются не в состоянии этого сделать), и придает не слишком большое значение таким понятиям, как быстрый и основанный на достигнутых договоренностях (Испания) и отсроченный «естественный» переход (Мексика), переход от территориально балканизированных ситуаций (например, Центральная Америка, Колумбия) и от гегемонии сильного централизованного государства или незапланированный переход вследствие военного поражения (Аргентина) или экономического краха (страны Варшавского договора) и запланированный (Бразилия, Чили). Иными словами, вовсе не будучи задачей для прошлого, изучение авторитаризма остается важным аспектом изучения демократической и недемократической политики, развитие которой должно привести к более тонким различиям и связям между ними.

Старый и новый султанизм

Хотя султанизм не привлек к себе большого внимания исследователей недемократической политики, к настоящему времени проделано уже

немало работы, которая приобретает особое значение, когда глобальный терроризм и султанические и авторитарные страны-изгои продолжают играть важную роль в международной политике. Как же было показано ранее, вовсе не будучи разновидностью авторитарного режима, султанизм представляет собой форму патримониального правления, искаженного доступом к международным альянсам и современным средствам подавления. В веберовском смысле, если авторитаризм представляет собой рационально организованную форму автократии (особенно в ее бюрократически-авторитарной форме), которая должна включать некоторые плебисцитарные элементы (особенно в своем более включающем виде), то султанизм представляет собой глубоко иррациональную и неорганизованную форму деспотизма, лишенную любых правил, ограничивающих государственную власть, или социальной базы легитимности, которая поддерживается благодаря террору. Словом, он является современным по своим средствам подавления и иррациональным по форме своей организации.

Расширяя сцену, на которой ведется изучение султанизма, мы можем задать вопрос, не является ли этот вид крайне недемократического правления неизбежным следствием глобальной международной политики, в которой доминируют Соединенные Штаты, а не по преимуществу внутренним явлением? В эпоху холодной войны ответом западных держав было однозначное «да», поскольку султанические союзники считались более предпочтительными, чем коммунистические враги. Во имя этого принципа эти державы (особенно Соединенные Штаты) не только допускали существование, но и прямо поддерживали режимы, совершавшие неописуемые злодеяния, а также помогали им подавлять народные восстания, чтобы не допустить создания коммунистических цитаделей на международной шахматной доске. В эпоху после окончания холодной войны ответ перестал казаться таким уж однозначным, поскольку прошлый опыт взаимодействия с бывшими «союзниками», вроде Панамы при Норьеги или Ирака при Саддаме Хусейне, перестал приносить ожидаемые плоды.

В начале нового столетия в некоторых мусульманских странах появился новый феномен: исламистские движения в Алжире, Марокко и Турции были маргинализированы в результате выборов в пользу умеренных мусульманских лидеров, которые, однако, относятся к американской политике в их регионе критически. Если такие самостоятельные лидеры будут силой смещены деспотами, которые в прошлом поддерживали связи с державами НАТО, не увидим ли мы рост популярности и электоральной силы более экстремистских движений? После революционное развитие Ирана показывает, что осуждение недружественных режимов может способствовать укреплению клерикально-теократических элементов и дестабилизации реформистов, а случаи Панамы и Ирака показывают, что поддержка деспотической и коррумпированной султанической власти может иметь неблагоприятные

последствия. В будущем понимание причин возникновения и падения султанических режимов в контексте международной политики будет способствовать лучшему пониманию таких явлений и позволит выявить тесную связь между политикой в сложившихся демократиях и недемократической политикой в третьем мире.

Восстания левых и реакция правых – препятствия на пути к демократии?

История двух последовательных волн марксистских волнений и их подавления в Латинской Америке может иметь большое значение для понимания развития недемократической политики.

Во-первых, ясно, что вооруженные восстания, независимо от благих намерений их инициаторов, вовсе не вели к миру или процветанию в регионе, не говоря уже о политической свободе, даже в тех двух случаях, когда они оказались успешными. Общеизвестно, что международные силы играли решающую роль в падении (Никарагуа) или укреплении (Куба) режимов, которые возникли после этих революций, поэтому не следует возлагать всю ответственность на инициировавшие их движения. Тем не менее в обоих случаях восстания начинались как национальные революции при поддержке коалиций различных классов, поэтому возможности для развития некоей формы демократии не были полностью закрыты.

Во-вторых, неудачные вооруженные восстания объединяли политические силы, необходимые для установления или дальнейшей консолидации крайне жестких и исключаяющих авторитарных режимов, что было большим шагом назад для демократии в регионе, где прогрессивные коалиции городских средних классов, народных масс и новых индустриальных элит в начале XX века создали протодемократические популистские режимы, стремившиеся открыть доступ к благам индустриализации для масс³⁸.

В-третьих, и это наиболее важно для будущего демократии, поскольку эти новые бюрократические авторитарные режимы объявляли вне закона и безжалостно преследовали все формы независимого политического представительства и участия (экспериментируя при помощи исключаяющей неолиберальной политики над бесправными массами), обучение мирной состязательной политике, которое в некоторых странах началось еще в 1830-х годах, было насильственно прервано, переводя часы демократии на несколько десятилетий назад. Но из этого не следует, что мы должны считать авторитаризм необходимым след-

³⁸ В Аргентине в перонистские эпохи (1945–1955 и 1973–1974) и в Мексике в годы правления Карденаса (1934–1940) проводились важные социальные реформы, вроде введения социального страхования для промышленных рабочих и государственных служащих. Карденас также распределил среди безземельных крестьян больше земель, чем все его предшественники вместе взятые.

ствием левых восстаний. Например, реакцию французского правительства на студенческие волнения мая 1968 года в Париже нельзя сравнивать с грубым подавлением очень похожего студенческого восстания в октябре 1968 года в Мексике, где сотни людей были беспощадно расстреляны полицией, а тысячи были брошены в тюрьмы на многие годы. Поэтому взаимодействие между левыми восстаниями и авторитарной реакцией необходимо изучать в историческом контексте.

Возможно, главная причина того, что революции редко приводят к демократии, связана не столько с природой этих социальных потрясений, сколько с тем, что в прошлом у них не было ничего лучшего, чем жестокое патримониальное, султаническое или колониальное правление (как в Иране, Афганистане, Никарагуа или Вьетнаме), и потому они не знакомы с важными составляющими демократии.

Представляет ли угрозу демократии участие крайне правых партий в выборах?

В старых и новых демократиях к существованию ультраконсервативных или экстремистских групп и партий следует относиться терпимо, пока они не нарушают демократических правил. Исследования участия этих партий в выборах в Западной и Центральной Европе показывают, что они являются лишь маргинальными и неэффективными демагогами. Но все же к этим выводам следует относиться с некоторым скептицизмом. Прежде всего, в наиболее доступных исследованиях выводы делаются на основе национальных выборов и игнорируют значение субнациональных процессов. Территориальные экстремистские движения, вроде баскских и ирландских националистов по-прежнему составляют исключение, а не правило, но появляются новые (в Чечне, среди турецких и иракских курдов) и возрождаются старые (как на Корсике). Поэтому исследования должны учитывать более локальные и региональные измерения территориального укрепления экстремистской и ультраконсервативной политики в демократических государствах. Второе основание для скептицизма заключается в том, что на основе результатов выборов, полученных в нормальных условиях невозможно предсказать, какую роль некоторые из этих групп могут сыграть в союзе с другими в обстановке национального бедствия, наподобие, к примеру, того, что имело место в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 года.

Заключительные соображения о связи между демократической и недемократической политикой

Недемократия и демократия не только противостоят друг другу как принципы и соседствуют друг с другом на деле, но и тесно переплетаются между собой таким образом, который еще предстоит систематически описать и изучить. Отсюда следует, что успехи в объяснении недемократии неразрывно связаны с поиском подходов к демократии, которые не считают недемократические проявления случайными или нанос-

ными, обреченными исчезнуть по мере распространения демократии. В этих заключительных соображениях я выделю возможные направления построения исследовательских программ, базирующихся на двух общих постулатах: (1) демократическая и недемократическая политика взаимосвязаны внутри демократических государств; (2) демократическая и недемократическая политика взаимосвязаны между собой на международной арене.

Демократическая и недемократическая политика внутри демократических государств взаимосвязаны

Этих взаимосвязей может быть много. Я ограничусь здесь двумя типичными ситуациями: (1) когда демократические процедуры используются как законное прикрытие для недемократической риторики или деяний; и (2) когда демократические процедуры систематически не работают применительно к определенным категориям населения (чернокожие, иммигранты, женщины, бедные), что служит отражением предрассудков, исключения или прямой агрессии. В первом случае демократия допускает недемократию, распространяя свое юридическое влияние слишком далеко, тогда как во втором случае она оказывается неспособной распространить его достаточно далеко. Примером первого рода служит использование демократических выборов некоторыми партиями для установления недемократического режима, как в тех случаях, когда исламские партии участвуют в демократических выборах с явным намерением в случае победы лишить женщин некоторых гражданских прав и передать власть избранникам религиозным авторитетам.

На субнациональном уровне демократическими принципами злоупотребляют, например, тогда, когда детская порнография признается юридически допустимой ради сохранения свободы слова, когда партия включает недемократические принципы в свою платформу или формирует избирательную коалицию с теми, кто так поступает, или когда избранный орган выпускает законы, противоречащие демократическим принципам. Примером третьего рода служит включение недемократических принципов в демократические конституции, вроде условия, что военные могут законно прийти к власти, если посчитают, что появилась угроза национальным интересам (как в современной Аргентине, Чили и Бразилии).

Примером недемократии, возникающей в результате неспособности обеспечить всем равную защиту закона, служит повседневная практика, когда полиция оказывается не в состоянии защитить бедных от преступности, когда муниципальная «скорая помощь» отказывается ехать в бедные районы или когда школы в гетто выпускают функционально неграмотных. Также в качестве примера можно привести избирательное применение закона, когда одни этнические группы оказываются хорошо защищенными, а другие — беззащитными, а полиция молча наблюдает

за тем, как экстремисты нападают на незащищенных граждан или когда беспрепятственно осуществляются незаконные и опасные для жизни действия. Нам прекрасно знакомо большинство этих примеров, но мы не привыкли считать их проявлениями недемократии, а не неэффективности, нехватки ресурсов или халатности.

Демократическая и недемократическая политика взаимосвязаны на международном уровне

Как было отмечено в обзоре султанических режимов, недемократическая политика худшего рода, существующая в третьем мире, зачастую создается и взращивается сложившимися демократиями, которые при отборе союзников обычно руководствуются соображениями безусловной покорности, а не соблюдения прав человека или демократических принципов. Нам также знакомы такие факты, которые мы приписываем недалекости отдельных государственных деятелей или расчетливым действиям в якобы национальных интересах. Например, для участия в демократических выборах нужны немалые деньги. Но ресурсов страны часто бывает недостаточно. Какие режимы заключают «сделки» с кандидатами и, в случае их победы, получают вознаграждение? Авторитарные и султанические режимы имеют давнюю историю сделок с демократическими режимами (сделки о продаже оружия, лекарств, по отмыванию денег, по оказанию гуманитарной помощи и т. д.) и потому являются проверенными партнерами. Если кандидат, получивший поддержку со стороны таких режимов, победит, недемократическая политика контрабандой проникнет в демократию: избранное правительство в ответ окажет поддержку недемократическому режиму³⁹. Демократические страны также сознательно брали на работу преступников, как, например, тогда, когда после Второй мировой войны американское правительство сочло целесообразным привлечь нацистских преступников для шпионажа против СССР⁴⁰.

³⁹ Можно привести следующий эмпирический пример. Контекстом служат президентские выборы в сложившейся западной демократии, в которой X, кандидат, успешно договорился о медицинской помощи в объеме 30 миллионов долларов Y, недавно демократизированному бывшему султаническому режиму. До пункта назначения доходит материальная помощь на сумму всего в 15 миллионов долларов (хотя заявлено 30), и часть ее не является медицинской, потому что Z, министр здравоохранения, заключил сделку о продаже оружия. Круг замыкается: демократия подпитывает недемократию, которая, в свою очередь, прорастает в демократии.

⁴⁰ Эти факты вскрылись недавно после рассекречивания американских послевоенных архивов. Среди нанятых был Герман Хефле, который организовал депортацию евреев из Варшавы, Радома, Кракова и Львова, заведовал строительством концлагерей в Сориборе, Треблинке и Бельцеке и предложил создать в этих лагерях газовые камеры. В 1983 году, когда Барби (или «лионский мясник») был арестован во Франции, американское министерство юстиции принесло извинения французскому правительству за то, что в 1947 году оно взяло на службу человека, ответствен-

Вовсе не будучи исключениями, не заслуживающими нашего социологического внимания, или объектами справедливого возмущения, такие случаи открывают возможности для анализа недемократических принципов и фактов не как явлений, отличных от и противоположных демократии, но как неотъемлемой составляющей развития демократии (и недемократии).

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Aguero, Francisco. 1992. «The armed forces, democracy and the limits to democratization in South America». Pp. 153–98 in Scott Mainwaring et al. (eds.), *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Arendt, Hannah. [1951] 1968. *Totalitarianism, Part III: The Origins of Totalitarianism*. 4th ed. New York: Harcourt, Brace, Jovanovitch.
- Barbahona de Brito, Alejandra. 1997. *Human Rights and Democratization in Latin America*. New York: Oxford University Press.
- Beetham, David (ed). 1983. *Marxists in Face of Fascism. Writings by Marxists from the Interwar Period*. Manchester: Manchester University Press.
- Bell, Daniel. 2000. *The Radical Right*. 3rd ed. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Betz, Hans Georg, and Stefan Immerfall (eds.). 1998. *The New Politics of the Right: Neopopulist Parties and Movements in Established Democracies*. New York: St. Martin's.
- Blackbourne, David, and Geoff Eley. 1984. «Introduction». Pp. 1–38 in David Blackbourne and Geoff Eley (eds.), *The Peculiarities of German History. Bourgeois Society and Politics in Nineteenth Century Germany*. New York: Oxford University Press.
- Brachet-Marquez, Viviane. 1997. «Democratic transition and consolidation in Latin America: Steps toward a new theory of democratization». *Current Sociology* 45 (1):15–53.
- Bragger, Bill, and Stephen Reglar. 1994. *Politics, Economy and Society in Contemporary China*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Brustein, William. 1996. *The Logic of Evil: The Social Origins of the Nazi Party, 1925 to 1933*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Burrin, Philippe. 2000. *Fascismo, Nazism, autoritarisme*. Paris: Editions du Seuil.
- Camus, Jean Yves. 1999. *Extremism in Europe. 1998 Survey*. Paris: Editions de l'Aube / CERA.
- Cardoso, Fernando Henrique. 1979. «On the characterization of authoritarian regimes in Latin America». Pp. 33–60 in David Collier (ed.), *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Castaneda, Jorge. 1993. *Utopia Unarmed: The Latin American Left After the Cold War*. New York: Alfred A. Knopf.
- Chehabi, H. E., and Juan Linz. 1998a. «A theory of sultanism I. A type of nondemocratic rule». Pp. 3–25 in H. E. Chehabi and Juan J. Linz (eds.), *Sultanistic Regimes*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Chehabi, H. E., and Juan Linz. 1998b. *Sultanistic Regimes*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

ного за депортацию французских евреев, и помогло ему бежать в Боливию, чтобы укрыться от французского правосудия. См.: *Le Nouvel Observateur*, July 11–17, 2002.

- Collier, David. 1979. «Overview of the bureaucratic-authoritarian model». Pp. 19–32 in David Collier (ed.), *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dahrendorf, Ralf. 1959. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Degregori, Carlos Ivan. 1990. *Ayacucho 1969–1979. El surgimiento de Sendero Luminoso*. Lima: Instituto de Estudios Peruanos.
- Degregori, Carlos Ivan, José Coronel, Ponciano del Pino, and Orin Starn, 1996. *Las rondas campesinas y la derrota del Sendero Luminoso*. Lima: Instituto de Estudios Peruanos/Universidad Nacional de San Cristobal de Huamanga.
- Di Palma, Giuseppe. 1990. *To Craft Democracies. An Essay on Democratic Transitions*. Berkeley: University of California Press.
- Eley, Geoff. 1995. «The social construction of democracy in Germany, 1871–1933.» Pp. 90–117 in Reid Andrews George and Herrick Chapman (eds.), *The Social Construction of Democracy 1870–1990*. New York: New York University Press.
- Esposito, John L., and R. K. Ramazani (eds.). 2001. *Iran at the Crossroads*. New York: Palgrave.
- Evans, Peter B. 1995. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fairbank, John K. 1992. *China. A New History*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fox, Jonathan. 1994. «The difficult transition from clientelism to citizenship. Lessons from Mexico». *World Politics* 46 (January):51–84.
- Friedrich, Carl J., and Zbigniew Brzezinski. 1965. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. New York: Praeger.
- Furet, François, and Ernst Nolte. 1998. *Fascisme et communisme*. Paris: Librairie Plon.
- Gentile, Emilio. 1975. *Le origini dell'ideologia fascista*. Rome: Ta Terza.
- Gershenkron, Alexander. [1943] 1989. *Bread and Democracy in Germany*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Griffin, Roger. 1995. *Fascism*. New York: Oxford University Press.
- Goodwin, Jeff. 2001. *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Gramsci, Antonio. [1924] 1983. «Democracy and fascism». Pp. 121–4 in Beetham Davis (ed.), *Marxists in Face of Fascism*. Manchester: Manchester University Press.
- Hainsworth, Paul. 2000a. «Introduction: The extreme Right». Pp. 1–17 in Paul Hainsworth (ed.), *The Politics of the Extreme Right. From the Margins to the Mainstream*. London: Pinter.
- Hainsworth, Paul. (ed.). 2000b. *The Politics of the Extreme Right. From the Margins to the Mainstream*. London: Pinter.
- Hamilton, Richard F. 1995. «Some difficulties with cultural explanations of national socialism». Pp. 197–216 in Houchan Chehabi and Alfred Stepan (eds.), *Politics, Society and Democracy*. Boulder, CO: Westview.
- Hirschman, Albert O. 1979. «The turn to authoritarianism in Latin America and the search for its economic determinants». Pp. 61–98 in David Collier (ed.), *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ignazi, Piero. 1997. «The extreme Right in Europe: A survey». Pp. 300–19 in P.H. Merkl and L. Weinberg (eds.), *The Revival of Right Wing Extremism in the 90s*. London: Frank Cass.
- Karl, Terry Lynn. 1990. «Dilemmas of democratization in Latin America». *Comparative Politics* 23 (1):1–21.
- Kopecky, Petr, and Cas Mudde (eds.). 2003. *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. London: Routledge.
- Korchak, Alexander. 1994. *Contemporary Totalitarianism. A Systems Approach*. East European Monographs. New York: Columbia University Press.

- Linz, Juan J. 1970. «An authoritarian regime: The case of Spain». Pp. xxx in Erik Allard and Stein Rokkan (eds.), *Mass Politics. Studies in Political Sociology*. New York: Free Press.
- Linz, Juan J. 2000. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, CO and London: Lynne Rienner.
- Loveman, Brian. 1994. «Protected democracies and military guardianship: Political transition in Latin America, 1978–1993». *Journal of Interamerican Studies and World Affairs* 36 (2):105–89.
- Luebbert, Gregory M. 1987. „Social foundations of political order in interwar Europe“. *World Politics* 39:449–78.
- Luebbert, Gregory M. 1991. *Liberalism, Fascism, or Social Democracy: Social Classes and the Political Origins of Regimes in Interwar Europe*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Macfarquhar, Roderick, and Seyyed Vali Resa Narr. 2001. *Islamic Leviathan. Islam and the Making of State Power*. New York: Oxford University Press.
- Mainwaring, Scott, Daniel Brinks, and Anibal Perez-Linan. 2000. «Classifying political regimes in Latin America, 1945–1999.» Working Paper #280, September 2000, Kellogg Institute of Political Studies.
- Mann, Michael. 1970. «The social cohesion of liberal democracy». *American Sociological Review* 35:423–40.
- Marcuse, Herbert. 1967. *Faschismus und Kapitalismus*. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1967).
- Mendez, Juan E., Guillermo O'Donnell, and Paulo Sergio Pinheiro. (eds.), 1999. *The (Un) rule of Law and the Underprivileged in Latin America*. Notre Dame: Notre Dame University Press.
- Merkel, P. H., and L. Weinberg (eds.). 1997. *The Revival of Right Wing Extremism in the 90s*. London: Frank Cass.
- Milza, Pierre. [1985] 2001. *Les Fascismes*. Paris: Editions du Seuil.
- Moore, Barrington Jr. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon.
- Mudde, Cas. 2000a. «Extreme Right parties in Eastern Europe». *Patterns of Prejudice* 34 (1):5–27.
- Mudde, Cas. 2000b. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press.
- Mudde, Cas. 2001. «In the name of the peasantry, the proletariat, and the people: Populism in Eastern Europe». *East European Politics and Societies* 15 (1): 35–53.
- Mudde, Cas. 2002. «Extreme Movements». Pp. 135–48 in Paul Heywood, Erik Jones, and Martin Rhodes (eds.), *Developments in West European Politics*. 2nd ed. Houndsmills: Macmillan.
- O'Brien, Kevin. 1990. *Reform without Liberalization*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- O'Donnell, Guillermo. 1973. *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South American Politics*. Berkeley: University of California Press.
- O'Donnell, Guillermo. 1993. «On the state, democratization and some conceptual problems: A Latin American view with glances at some postcommunist countries». *World Development* 21 (8):1355–69.
- O'Donnell, Guillermo, Philippe Schmitter, and Laurence Whitehead (eds.). 1986. *Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Paxton, Robert. 1998. «The five stages of fascism». *Journal of Modern History*, March: 1–23.
- Payne, Leigh A. 2000. *Uncivil Movements. The Armed Right Wing and Democracy in Latin America*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Payne, Stanley G. 1995. *A History of Fascism 1914–1945*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Pinto, Ant'onio Costa. 1995. *Salazar's Dictatorship and European Fascism Problems of Interpretation*. Boulder, CO: Social Science Monographs.
- Plotke, David. 2002. «The success and anger of the modern American Right». Pp. xxx in Daniel Bell (ed.), *The Radical Right*. 3rd ed. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Preston, Paul. 1990. *The Politics of Revenge. Fascism and the Military in 20th Century Spain*. London: Unwin Hyman.

- Przeworski, Adam. 1986. «Some problems in the study of transitions to democracy». Pp. 47–63 in G. O'Donnell, P. C. Schmitter, and L. Whitehead (eds.), *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Remond, Rene. 1982. *Les Droites en France*. Paris: Aubier.
- Rouquie, Alain. 1984. *O Estado Militar na America Latina*. Sao Paulo: Alpha-Omega.
- Rueschemeyer, Dietrich, Evelyne Huber Stephens, and John D. Stephens. 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schmitter, Philippe C. 1991. «Cinco reflexiones sobre la cuarta onda de democratización». Pp. 101–40 in Carlos Barbas Solano, J. L. Barros Horcasitas, and Javier Hurtado (eds.), *Transiciones hacia*.
- Snyder, Richard. 1998. «Paths out of sultanistic regimes: Combining structural and voluntarist perspectives». Pp. 49–81 in Houchang E. Chehabi and Juan J. Linz (eds.), *Sultanistic Regimes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stepan, Alfred. 1986. «Paths toward Redemocratization: Theoretical and Comparative Considerations». Pp. 64–84 in Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead (eds.), *Transitions from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stephens, John D. 1989. «Democratic transition and breakdown in Western Europe, 1870–1939: A test of the Moore thesis». *American Journal of Sociology* 94:1019–77.
- Wickham-Crowley, Timothy P. 1992. *Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes since 1956*. Princeton, NJ: Princeton University Press.